

Церковное служеніе Движенія

Докладъ о. Сергія Булгакова на годичномъ сѣздѣ.

(По записи слушателей).

Когда я спрашивалъ себя, какъ лучше выразить идею Движенія, и искалъ отвѣта въ Евангеліи, то такимъ отвѣтомъ, подобнымъ свѣту молніи, явились мнѣ слова Спасителя, сохраненныя всѣми тремя синоптическими Евангелистами: «никто не вливаетъ вина новаго въ мѣхи вѣтхія» (Мар. 2. 22, Мат. 9. 17. Лук. 5. 37). Слово Спасителя живо и дѣйственно, оно является истиной и закономъ жизни для всѣхъ народовъ, во всѣ времена. «Не пришелъ я нарушить законъ, но исполнить», говорилъ Спаситель, но все время какъ будто бы намѣренно нарушалъ, отмѣнялъ законъ. Спаситель въ Своихъ словахъ и дѣйствіяхъ указывалъ на потребность различать въ немъ существенное и несущественное, и тѣмъ самымъ узаконялъ неизбежность творчества новыхъ формъ, новыхъ мѣховъ.

Отъ этого общаго положенія обратимся къ Движенію, какъ къ творчеству новыхъ формъ. Оно вызываетъ недоумѣнія и отрицаніе у ревнителѣй стараго. Особенно часто указываютъ на «неканоничность» Движенія. Конечно, Движеніе не канонично въ томъ смыслѣ, что оно не предусмотрено канонами, да и не могло быть ими предусмотрено, но оно внутренне законно, канонично. Каноническія установленія выросли, оформлялись на соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ. Они составляютъ законы жизни церкви. Въ нихъ есть части незыблемыя (іерархическое строеніе церкви, таинства и такъ далѣе) и есть части, измѣнявшіяся даже на протяженіи вселенскихъ соборовъ, какъ есть и не отмѣненные, но фактически уже не дѣйствующія. Каноническое творчество не есть нѣчто законченное и застывшее.

Для Движенія, дѣйствительно, мы не

найдемъ мѣста ни въ «книгѣ правилъ», ни въ уставѣ духовныхъ консисторій». Существуютъ каноническія церковныя единства: патріархіи, митрополіи, епископіи. Представляетъ ли Движеніе разновидность этихъ единствъ? Но оно не вмѣщается въ предѣлахъ какой-либо одной изъ нихъ, капризно распространяясь между всѣми: вертикальныя сѣченія существующихъ установленийъ пересѣкаются въ горизонтальномъ направленіи. Единицы церковныя связаны единствомъ епископской власти, единствомъ церковной юрисдикціи. Движеніе же въ цѣломъ не подчиняется юрисдикціи какого-либо одного патріарха, митрополита, епископа. Оно существуетъ на территоріи разныхъ церковныхъ единеній, возглавляемыхъ разными іерархами. Въ этомъ смыслѣ оно есть какъ бы нѣкоторое между-образование.

По своему составу Движеніе тоже чрезвычайно своеобразно. Не разъ его опредѣляли, какъ «Движеніе мірянъ». Но это ни въ какой степени не означаетъ, что Движеніе анти-іерархично. — Объ этомъ достаточно говоритъ широкое участіе священниковъ и іерарховъ въ сѣздахъ и работѣ Движенія. Міряне не чуждаются іерарховъ, дѣйствуютъ вмѣстѣ съ ними. Но есть и особенность. По тому или другому мѣсту своего пребыванія Движеніе подчиняется мѣстному правящему епископу, но въ своемъ цѣломъ оно имѣетъ въ своей средѣ іерарховъ не какъ лицъ, облеченныхъ юридическими полномочіями, но преимущественно какъ харизматиковъ, какъ лицъ, облеченныхъ особой благодатной силой служенія. Это значитъ, что въ Движеніи преобладаетъ не начало властвованія, а сила любви, растворяющей начало властвованія въ на-

чалъ соборности.

Движеніе не укладывается въ каноны, не предусматривается ими, но по духу и смыслу всецѣло изъ нихъ вытекаетъ. Церковь есть тѣло, имѣющее свою жизнь, свою органическую связанность. Въ тѣлѣ есть іерархія, есть основные незамѣнимые органы, и есть, хотя и существенные, но менѣе важные, второстепенные, все же вмѣстѣ образуетъ общую жизнь организма, выражаетъ его связанность. Этимъ выраженіемъ церковной связанности, церковнаго общенія, внутренней органичности живого тѣла и является Движеніе. Въ этомъ смыслѣ оно соотвѣтствуетъ канонической природѣ церкви. Церковное общество, народъ Божій, соборующій въ любви, — вотъ что представляетъ Движеніе. Поэтому то оно и требуетъ новыхъ мѣховъ. Послѣ пережитыхъ въ теченіе сѣзда ожесточенныхъ конституціонныхъ споровъ, исполненныхъ формализма, можетъ показаться прекраснѣшимъ то, что я говорю о такомъ органическомъ единствѣ Движенія. Но тутъ нѣтъ прекраснѣшій. Разъ такое единство возникло, оно неизбѣжно отливается въ человѣческія формы. Эти споры, исканіе формъ несетъ въ себѣ зачатки церковныхъ канонѣвъ, предвареніе новыхъ каноническихъ опредѣленій. Въдъ такъ и были созданы каноны, возникшіе въ процесѣ благодатно-человѣческихъ оформленій потребностей церковной жизни на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ.

Самое важное, что Господь самъ засвидѣтельствовалъ потребность для новаго вина новыхъ мѣховъ, и должны быть **новые мѣхи**. Отсутствіе ихъ свидѣтельствовало бы объ окаменѣніи, объ омертвѣніи. Да будутъ новые мѣхи, если есть новое вино!

Есть ли оно? Чѣмъ мы занимались здѣсь? Вопросами религіознаго сознанія, религіозной философіи, вопросами русской жизни, проповѣди, миссіонерства,

вопросами экуменическаго характера — жизни вселенской церкви, жизни иностранныхъ церквей, вопросами религіознаго воспитанія, религіозной общестственности, религіознаго дѣйствія, движенія молодежи, и т. д. Чѣмъ только не занимались! Характерно, что все это при внѣшнемъ разнообразіи находится въ глубочайшей внутренней связанности: — все это — исканія церковнаго дѣланія, проявленія церковной воли — это сама церковная жизнь.

Возникають-ли всѣ эти вопросы въ такой совокупности и постановкѣ, въ какомъ-либо изъ существующихъ церковныхъ учреждений, дѣйствующихъ въ предѣлахъ своей установленной закономъ компетенціи?

Мы приходимъ къ заключенію, что церковныя учрежденія, хотя и занимаются тѣми же вопросами, что и здѣсь, но относятся къ нимъ прежде всего въ порядкѣ вѣдомственнаго разрѣшенія ихъ; въ противномъ же случаѣ почти совсѣмъ ими не занимаются.

Движеніе волей-неволей беретъ на себя задачу общественно церковнаго воспитанія, становится своеобразнымъ церковнымъ парламентомъ, поскольку послѣдній является неизбѣжнымъ зломъ всякой общественности. Движеніе въ своей творческой тревогѣ органически соединяетъ всѣ эти вопросы въ живое единство. Можно это называть различно — оцерковленіе жизни, церковная общественность, но основное здѣсь — желаніе преодолѣть раздѣленіе между вѣрой и жизнью. Драгоценное желаніе! Это новое вино, которое и ищетъ новыхъ мѣховъ. Но когда вопросъ ставится такъ, насъ объемлетъ трепеть. Не есть ли это дерзость, притязательность, самомнѣніе? Кто мы, что мы, чтобы намъ начинать великое? Но искать великаго, еще не значить быть великими. Однако, величіе опредѣ-

ляется и тѣмъ, чего мы ищемъ, чему мы служимъ. Апостолы, какъ свидѣтели, служатъ Евангелію, въ своей повседневной жизни, въ своей эмпирической данности иногда оказывались только слабыми людьми. Но они истинно велики, потому, что душа ихъ узрѣла великое и отдала себя ему. Весь вопросъ въ томъ, узрѣли ли и мы великое, призваны ли мы или нѣтъ. И если да, то уже нѣтъ выбора. Мы призваны такими, каковы мы есть, и въ этомъ своемъ состояніи должны служить великой задачѣ. Я въ Движеніи съ самаго начала. Первые моменты жизни Движенія отличались особой яркостью, талантливостью, поэзіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ характеризовались и житейской неопытностью. Въ Пшеровѣ мы пережили какъ бы установленіе Ветхаго Завета, предуготовлявшаго Новый Заветъ. Въ Пшеровѣ было чувство обрѣтенія великаго, духовное восхожденіе на Синай, гдѣ Богъ вручилъ и намъ скрижали Завета. Въ дальнѣйшемъ яркость, талантливость уступили мѣсто повседневной работѣ, зазвучали тона унынія, бывали случаи утраты вѣры въ свое призваніе, сомнѣнія въ вѣрности пути. Но вмѣстѣ съ тѣмъ шель процессъ обростанія идеи живымъ тѣломъ, пусть пока мѣстѣ амебообразнымъ, — процессъ возникновенія своеобразныхъ «хвостовъ» (клубы, школы), многочисленныхъ заботъ, которыя насъ обязываютъ, передъ которыми мы безсильны, но не можемъ отъ нихъ отказаться. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что несмотря на нѣкоторую утрату яркихъ красокъ, жизнь Движенія не прерывалась, а непрерывно и закономерно росла, и трудности нашей жизни — трудности роста, созрѣванія, а не увяданія.

Самое важное, что здѣсь имѣется не чело-вѣческое только устройство, опредѣляемое притокомъ новыхъ силъ, средствъ, а именно органической ростъ, совершающійся въ насъ непримѣтно; лишь въ послѣдствіи мы

съ изумленіемъ констатируемъ наличие его. Не есть ли это то, что сказано о сѣмени? «Человѣкъ броситъ сѣмя въ землю. И спитъ и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосья, потомъ полное зерно въ колосѣ. Когда же созрѣетъ плодъ, немедленно посылаетъ серпъ, потому что настала жатва» (Мар. 4, 26-29). Не такъ ли съ нами было, и не такъ ли есть, и не есть ли это свидѣтельство, что это дѣло Божіе. Но у насъ есть основательное сомнѣніе, сознаніе, что можетъ быть всѣ наши начинанія въ эмиграціи являются «садами Адониса», своеобразными декоративными насажденіями, специально для дней праздниковъ въ честь Адониса. Можетъ быть, мы быстро проросли, но обречены на гибель. Въ извѣстномъ смыслѣ эмиграція обречена на то, чтобы погибнуть внѣ земли обѣтованной: она естественно сокращается, т. к. смерть уже унесла многихъ, естественно рассыивается, такъ какъ идутъ процессы слиянія съ окружающей средой, идетъ денационализациія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была совершить дѣло и его совершаетъ. Дѣло эмиграціи — быть подобной электрической искрѣ въ динамомашинѣ, дающей для нея зарядъ. И мы констатируемъ, что это происходитъ. Молодая поросль, подымающаяся вокругъ насъ, открываетъ возможности расширенія, рождаетъ надежду на преемство. Они иные, но ищутъ того же. Даже въ условіяхъ эмиграціи есть возможности роста. Но основная обращенность наша, конечно, къ Россіи. Мы не хотимъ быть тепличнымъ растеніемъ, которое погибаетъ, когда разбивается стекло, но хотимъ быть экспериментальнымъ растеніемъ въ разсадникѣ, малымъ деревомъ, которое, будучи посажено въ землю, растетъ и даетъ плодъ. Мы сѣятели сѣмянъ будущаго. Но, можетъ быть, это тоже только горделивая мысль, утѣшеніе эстетической мечтательности.

Ясно, что въ иностранномъ разсѣяніи мы не можемъ быть до конца урѣнены, что мы не «сады Адониса». Но Господь даетъ намъ радость познать, что Движеніе не есть «сады Адониса», что наше растеніе есть не тепличное, а экспериментальное. Всякій экспериментъ провѣряется жизнью. Экспериментальность нашего Движенія дала опознать Прибалтика. На съѣздѣ я увидѣлъ, что въ Прибалтикѣ молодое растеніе нашего Движенія, пересаженное въ условия естественнаго роста и развитія, обнаруживаетъ буйную силу. Пусть сдѣлано еще очень мало, но это малое говорить о силѣ сѣмени, о его способности къ прорастанію. Это есть свидѣтельство и того, что ждетъ насъ въ Россіи. Мы часто не замѣчаемъ, не цѣнимъ животворныхъ послѣдствій великихъ катастрофическихъ сдвиговъ, переворотовъ. То, что Движеніе можетъ сѣять сѣмя въ Прибалтикѣ, возможно потому, что тамъ самимъ государственнымъ устройствомъ обезпеченъ минимумъ свободы. Свобода и въ Россіи явится тѣмъ основнымъ условіемъ, при наличіи котораго только и можетъ взойти и прорасти сѣмя. На съѣздѣ какъ будто прозвучали и ноты невѣрія. Мы ничтожны, не справляемся съ проповѣдью безбожія. Но можно ясно представить себѣ, что дѣлали бы мы, придя въ Россію, и какъ отозвалось бы русское общество на эту дѣятельность. Нужды нѣтъ, что мы сейчасъ фактически не можемъ отвѣтить на агитацію безбожниковъ. Они, вѣдь, въ конечномъ итогѣ ничтожны, и еще загодя можно создать достаточно убѣдительныхъ апологетическихъ сочиненій. Дѣло не въ частностяхъ, а въ томъ, что, какъ даръ Божій, дано Движенію.

Неопытное слабое Движеніе несетъ въ себѣ самое цѣнное—церковную общественность. Этого хочетъ и ждетъ Россія, церковь въ Россіи. Она раздавлена. Цѣпи государственнаго насилія впились въ ея тѣло, но изнутри эти цѣпи уже извергнуты. Церковь хочетъ быть свобод-

ной, а въ свободѣ достойно дѣлать свое церковное дѣло. Помимо вѣрныхъ формъ государственности, помимо канонической организаціи, для возстановленія Россіи, какъ воздухъ, необходима и церковная общественность. Мнѣ ясно, какъ встрѣтитъ Россія наше Движеніе, какъ она приметъ то сѣмя, которое Богъ далъ намъ въ нашемъ дерзаніи. И уже то, что и сейчасъ есть, содержитъ несомнѣнный залогъ будущаго. Мы въ Россію пойдёмъ не съ пустыми руками. Мы будёмъ не возстановливать старое, а понесемъ новыя силы, пойдёмъ съ новыми задачами, съ новыми путями. Если такъ, то какъ же можно выразить самое существо Движенія, его творческую новизну?

Она заключается не въ фактическихъ достиженіяхъ, хотя и они есть, а въ самой жизненной проблематикѣ, разрабатываемой Движеніемъ. Проблематика — слово, излюбленное философами, но и жизнь его знаетъ. Гдѣ нѣтъ проблематики, нѣтъ и исканій, тамъ нѣтъ и достиженій, тамъ жизнь не жительствоуетъ. Знать проблематику жизни — задача каждаго. Если перевести это на языкъ Библии, это тамъ называется пророчествомъ. Это то, о чемъ сказано — «Духа не угашайте — а пророчества не унижайте» (1 Фесал. 5. 19. 20). Отрицать проблематику жизни, значить угашать духъ, унижать пророчество. Пророки, по обычному истолкованію, понимаются, какъ прорицатели. Но прорицаніе есть не единственное, а можетъ быть, и не самое существенное въ пророческомъ служеніи: величайшіе пророки, Илія и Елисей, ничего не предсказывали. Смыслъ ихъ пророческаго служенія, все значеніе его состояло въ чувствѣ нарождающихся духовныхъ потребностей и силъ будущаго. Пророки всѣмъ своимъ дѣломъ воспитывали къ будущему и звали къ нему. Вѣдь сейчасъ уже стало общимъ мѣстомъ въ библейской наукѣ утвержденіе, что задача и смыслъ пророческаго служенія бы-

ли — уточнить, углубить религиозное сознание, сообщить ему динамичность, оторвать от коснѣнія въ обрядовѣрїи, придать мірообъемлющую широту и силу. Человѣческая психика одновременно динамична и статична. Въ ней одинаково сильны и начала консерватизма, блюдушлаго букву, незамѣтно вырождающагося въ обрядовѣрїе, и начала динамизма, — преобразующаго настоящее, устремленнаго къ будущему. Пророчество — устремленіе къ будущему. Движеніе церковно обращено къ будущему, къ царству Божію, въ широкомъ значеніи этого слова. Въ этомъ смыслѣ идея Движенія — есть служеніе пророческое.

Оглядываясь на себя, оцѣпенѣваемъ и ужасаемся, ибо менѣе всего соотвѣтствуемъ такому призванію. Не въ своей слабости и немощи мы хотимъ дѣйствовать, не своей силой достигать, но мы живемъ въ Церкви. Самъ Христосъ — вотъ Кто призвалъ насъ и поставилъ предъ нами такія задачи. Въ этомъ призваніи, въ помощи благодатныхъ силъ мы были и есть слабы и малы. «Господь воздвигнетъ себѣ мужей». Лично они могутъ быть сильными, они могутъ быть слабыми, но они всѣ сильны, когда дѣлаютъ дѣло Божіе. Моисей велъ Израиля въ землю обѣтованную, и онъ погибъ, не войдя въ нее. Не вошли туда и всѣ бывшіе съ нимъ, кромѣ нѣкоторыхъ избранныхъ. Но именно Моисей былъ духовнымъ отцомъ, былъ создателемъ народа Еврейскаго, избраннаго народа, и ему ввѣрены были обѣтованія Божїи, и отъ него происходитъ по плоти Христосъ Богъ. Въ путяхъ Божїихъ важно не только пришествіе, но и шествіе, и участіе въ шествїи великая милость Божїя. Если наше шествіе закончится раньше пришествїя, то все же оно есть путь въ землю обѣтованную, Христіанство есть путь спасенія, понимаемаго прежде всего, какъ

личное спасеніе, какъ борьба съ собственной грѣховностью. Но то, о чемъ мы сейчасъ говоримъ, къ чему стремимся, есть путь не только личнаго, но и общаго спасенія. Мы стоимъ на такой точкѣ, когда личное спасеніе уже немислимо внѣ общаго спасенія. Можетъ показаться, что происходитъ нарушеніе основнаго аскетическаго правила, по которому мы не можемъ браться за то, что превышаетъ наши силы. Берясь за спасеніе всѣхъ, не ставимъ ли мы призрачныхъ, утопическихъ, гибельныхъ цѣлей? Здѣсь нужно различать то, что можетъ быть порождено горделивостью, самомнительностью, притязательностью, и то, что рождается въ сердцѣ, какъ раскрытіе и явленіе силы любви. Мы дерзаемъ говорить и мыслить и объ общемъ спасеніи не въ смыслѣ притязанія на совершеніе непосильнаго, а въ смыслѣ раскрытія сердца, вселенской церковной любви.

И вѣдѣніемъ любви мы знаемъ, что наше спасеніе неотдѣлимо отъ общаго спасенія. Боговѣдецъ Моисей, когда возгорѣлся гнѣвъ Господень противъ Израиля, молясь о согрѣшившемъ и обреченномъ на гибель родномъ народѣ, въ пламенномъ дерзновеніи любви говорилъ: «Прости имъ грѣхъ ихъ. А если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей» (Исходъ 32. 32).

Новозавѣтный Моисей въ своей огненной молитвѣ о своихъ единокровныхъ, отвергшихъ своего Искупителя и Спасителя, сгорая любовью, торжественно свидѣтельствовалъ: «Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти» (Рим. 9. 1-3).

Да будетъ эта любовь, это единство въ ней и личнаго, и общаго спасенія и призывомъ, и отвѣтомъ, и указаніемъ для насъ подлиннаго пути христіанской любви.